

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

О. Н. БАДЕР

К ВОПРОСУ О БАЛАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Балановская культура представлена пока единичными памятниками, но зато не только могильниками, но и поселениями с материальной культурой того же типа, а один из могильников, собственно Балановский, является несравненно более богатым по количеству погребений, собранному материалу и сделанным при раскопках наблюдениям, чем любой из фатьяновских могильников, а может быть, чем все они вместе взятые.

Балановская культура как таковая еще почти не выявлена в литературе. Балановский могильник, открытый и исследовавшийся лишь в 30-х годах, в основной своей части еще не опубликован; поэтому считаем необходимым коротко остановиться на характеристике особенностей этой культуры.

Балановский могильник является пока основным ее памятником. На могильнике, расположенном на высоком, пологом холме, уже вскрыто раскопками свыше 100 погребений и еще больше, видимо, разрушено до раскопок разработками карьера; однако могильник еще далеко не исчерпан.

На дне могил лежали скелеты в скорченном на боку положении, сопровождаемые глиняной посудой бомбовидной формы, плоскими клиновидными полированными топорами из кремня, изредка сверлеными каменными топорами и многими другими вещами, в том числе оружием и украшениями из бронзы, при полном отсутствии железа. Общий подбор вещей и их характер позволили сразу же отнести Балановский могильник к эпохе развитой бронзы и наметить для него ближайшие аналогии в могильниках фатьяновского типа в Верхнем Поволжье.

Обилие и хорошая сохранность погребений позволили нам сделать много наблюдений, которые не были сделаны при раскопках фатьяновских могильников. Установлено, что для погребений вырывались могилы подпрямоугольной формы площадью в среднем $2 \times 1,5$ м, глубиной в среднем же от 1,3 до 1,5 м. При этом, чем большее значение в обществе имел погребаемый, тем глубже рылась для него могила. Последнее доказывается тем, что среди женских погребений наибольшую глубину имели наиболее богатые; самые глубокие погребения (до 2,05 м) принадлежали воинам с бронзовым оружием и каменными сверлеными боевыми топорами; наконец, самые неглубокие могилы вырывались для детских погребений.

На ровном дне вырытой могилы приготавливалось специальное внутримогильное сооружение. Оно состояло из прямоугольного ящика с очень тонкими, видимо плетеными или дощатыми вертикальными стенками, укрепленными по углам на четырех столбиках высотой более полуметра. Остатки внутримогильных сооружений прослежены нами во множестве в виде тонких, со слегка вогнутыми стенками прямоугольных контуров

Рис. 1. Контуры могильной ямы и внутримогильного сооружения с обозначающимся сосудом на дне. Балановский могильник, могила 28

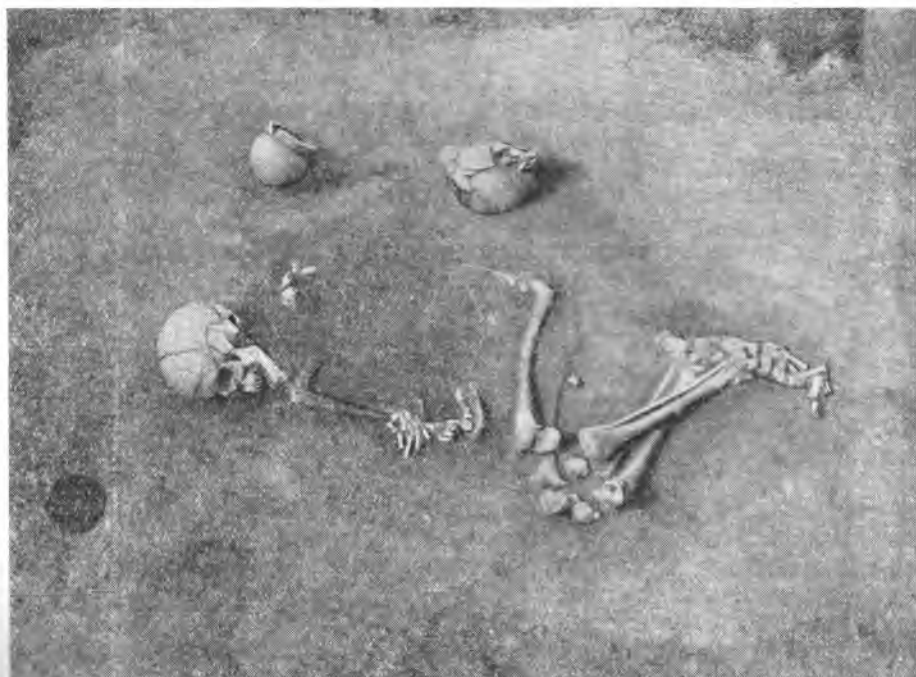

Рис. 2. Мужское погребение со следами гумусированного пятна с истлевшими костями (у дна воронки от провала могилы); налево от черепа — круглый провал в горло большого реповидного сосуда в нижнем, женском погребении. Балановский могильник, могила 41

на горизонтальных зачистках близ дна могил (рис. 1). Остатки погребений — скелеты и могильный инвентарь — всегда были точно вписаны в контуры внутримогильного сооружения и ни разу за его пределы не выходили.

По окончании погребальных церемоний внутримогильные сооружения с заключенными в них погребениями покрывались сверху досками, после чего могила засыпалась, вероятно, доверху землею. Только в пустом внутримогильном пространстве туловища трупов могли заваливаться на лицо, на грудь или, наоборот, откидываться на спину; только внутри пустой могилы проникавшие в нее хомьяки и сурки могли производить такой хаотический беспорядок, как это не раз наблюдалось в Баланове.

Впоследствии накатник подгнивал и обрушивался вместе с землей на дно могилы, на погребение, давя горшки и черепа и даже ломая длинные кости. При этом на поверхности земли образовывалась воронка провала; в нее легко затекала вода, проникая на дно могилы и создавая благоприятные условия для разрушения находившихся под воронкой частей скелета (рис. 2), — именно их, а не черепов или ног, что наблюдалось постоянно. Затем воронка постепенно заполнялась почвой. М. С. Акимова, участвовавшая в наших раскопках в качестве студента-практиканта в 1936 г., а в 1940 г. продолжавшая раскопки самостоятельно¹, не поняла устройства могил и возражает против нашего вывода, считая пятна от воронок провала (в нашей интерпретации), естественно появившиеся от самой поверхности и далеко не всегда доходившие до дна, за тлен от какого-то «ритуального предмета», клавшегося в могилу; при этом она не делает ни малейшей попытки объяснить, что представлял собой этот таинственный предмет. Мы остановились на объяснении М. С. Акимовой для того, чтобы решительно не согласиться с этим необоснованным предположением, способным лишь запутать нарисованную выше совершенно ясную картину устройства могилы, этнографические пережитки которого сохранялись в Чувашии до самого последнего времени, на чем мы уже имели случай останавливаться².

В нескольких могилах в гумусе, заполнявшем воронку провала, были найдены глиняные сосуды плохой сохранности, стоявшие в свое время, надо думать, на поверхности могил (рис. 3), что говорит о проведении на могиле обрядов, связанных с культом мертвых. Интересной чертой ритуала является помещение глиняного сосуда на кремневые или кварцевые осколки в могиле 46-й (над погребением воина, рис. 3). Встреченные во многих могилах кремневые пластины и стщепы без следов обработки служили, вероятно, символом огня.

Во всех мужских погребениях скелеты лежали на правом боку, в женских — на левом. Эта особенность, установленная вначале на основании антропологических признаков, была затем установлена и в отношении погребений, пол которых не определялся антропологически, но определялся по инвентарю.

При каждом погребении ставилось по 1, 2 и 3 сосуда, но при двух женских погребениях было по 5 сосудов. Из женского же погребения происходит керамическое лошло, — и здесь керамическое производство было женским. В женских могилах находились и огромные сосуды реповидной формы, без шеек; только один такой сосуд найден при мужском погребении, но отличался особым орнаментом. Особенностью керамики в женских могилах являлись также сосуды с тонким орнаментом без свисающих вниз «фартучков», с орнаментом в виде «елочки» и крупного зигзага (рис. 4, 2). Исключительно из женских погребений происходят остатки гробней из дерева и кости.

¹ М. С. Акимова, Балановский могильник (Предварительное сообщение о раскопках в 1940 г.), «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947.

² О. Н. Бадер, Археологические исследования Центрального Чувашского музея, «Советский музей», 5, 1937.

Металлическое оружие (вислообушный топор, втульчатое копье) и каменные сверленные боевые топоры-молоты найдены только при мужских скелетах, лежавших на правом боку. Все 7 глиняных копий сверленных топоров из детских погребений находились при скелетах, лежавших на правом боку, т. е. при погребениях мальчиков. Исключительно мужским погребениям свойственны черные, лощеные, тонкостенные сосуды с шейкой, украшенные тонким штампованным орнаментом, заканчивающимся на плечах несколькими свисающими вниз «фартучками».

Рис. 3. Сосуд, поставленный над могилой на 10 кварцитовых отщепов. Балановский могильник, могила 46

В детских погребениях находились только вещи небольших размеров: маленькие глиняные копии сверленных боевых топоров, маленькие кремневые клиновидные топоры, небольшие глиняные сосуды. Только в детских погребениях найдены плоские, круглодонные чашки-блюдца, глиняные игрушки (например, погремушка), парные глиняные колесики с длинными втулками, — видимо, единственно сохранившиеся части игрушечных двухколесных повозок, которые, надо думать, были подражанием настоящим, большим повозкам (рис. 5, 10).

Другие категории предметов — наконечники стрел, кремневые клиновидные топоры, бронзовые украшения и пр. — встречены и в мужских, и в женских, и в детских погребениях.

В раскопках 1936—1937 гг. 37% могил дали

коллективные погребения: по 2, 3, 4 и даже 5 скелетов; половой и возрастной состав коллективных могил не дает возможности говорить здесь о каких-либо закономерностях. Лишь в одной могиле женское погребение явно придано погребению воина с медным копьем.

Хозяйство населения, оставшегося нам Балановский могильник, устанавливается по находкам в могилах с достаточной определенностью. Найдены (как в виде поделок, так и отдельных костей) остатки домашних животных: коровы, лошади, барана, свиньи и собаки; из диких — представлены: бурый медведь, кабан, бык (?), бобр и грызуны. Таким образом, устанавливается наличие развитого скотоводства и охоты. Некоторое значение рыболовства можно предполагать. За земледелие косвенно может говорить развитый характер скотоводства, наличие каменных терок в женских погребениях и отличных плоских клиновидных топоров, удобных для подсека. Кроме того, известную роль играло и собирательство, о котором красноречиво говорит обилие в могилах двустворчатых раковин съедобных речных моллюсков.

Наличие кабана, медведя и бобра в составе дикой фауны говорит о лесном ландшафте того времени; экология найденных моллюсков не противоречит этому.

В расположении могил нельзя подметить никакой закономерности:

оно беспорядочно, представляет общий, недифференцированный массив. Из этого можно сделать тот вывод, что могильник являлся кладбищем одного крупного рода, долгое время хоронившего здесь своих умерших. Могилы, расположенные местами достаточно густо, никогда не нарушают одна другую; это может служить, по мнению П. П. Ефименко, «прямым указанием на связь по родству населения поселка, так как лишь это обстоятельство может объяснить заботу, проявленную им в течение столетий к целостности погребений»³. Вероятно, этот огромный могильник был связан не с одним, а с несколькими поселениями, наши упорные поиски которых, к слову, не дали результатов.

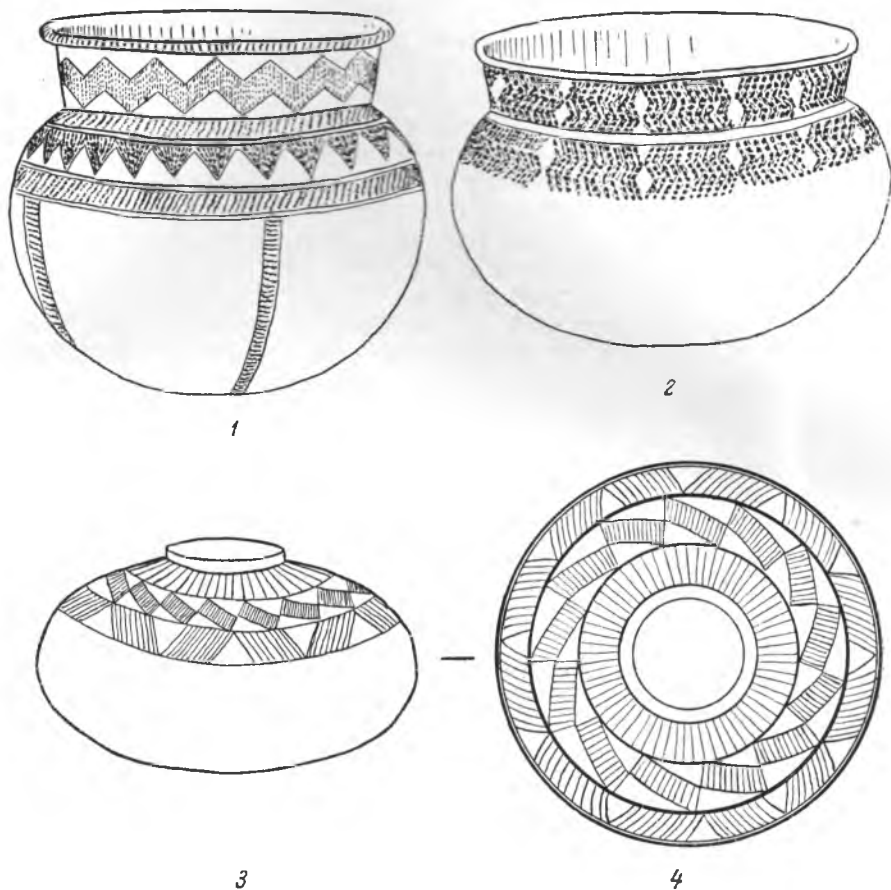

Рис. 4. Глиняная посуда Балановского могильника

В абсолютных цифрах время Балановского могильника определяется как конец (?) второй и третья четверть II тысячелетия до нашей эры; третья четверть определяется чертами сходства со срубной культурой (в керамике) и в особенности с андроновской культурой (бронзовые украшения, каменные терки, стрелы, орнамент); о второй четверти говорит наличие сосудов архаических типов (с мягким, пологим профилем шейки и плечей).

Анализ трех спиральных колец и двух шильев из Балановского могильника, произведенный А. Г. Поповой в Спектроаналитической лаборатории Молотовского университета (1949 г.), показал, что все пять предметов состоят из чистой меди.

³ П. П. Ефименко, К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам, «Советская археология», II, 1937.

Теперь необходимо рассмотреть вопрос о культурной принадлежности Балановского могильника. Сходство его в ряде общих черт с фатьяновскими могильниками Верхнего Поволжья несомненно и обращает на себя внимание в первую очередь. В 1931 г. П. Н. Третьяков первым сблизил с фатьяновской культурой исследованный им в 1930 г. курганный могильник Атли-Касы в Чувашии⁴, весьма близкий по культуре открытому через три года Балановскому могильнику. В одной из работ, посвященной Балановскому могильнику⁵, мы его рассматривали как памятник, характеризующий чувашский, средневожский вариант фатьяновской культуры, не связывая его, однако, с верхневолжскими фатьяновскими могильниками генетически, чему препятствовало прежде всего выявленное уже тогда различие антропологических типов. К отнесению Балановского могильника к фатьяновской культуре позднее присоединились О. А. Кривцова-Гракова, но в ее понимании имеется и существенная особенность: она рассматривает Балановский и близкие ему могильники как позднейшую стадию фатьяновской культуры⁶. Т. А. Трофимова в последней работе примкнула к нашей точке зрения, рассматривая Балановский могильник как восточное крыло фатьяновской культуры⁷.

Однако правильной является наша точка зрения на могильник, высказанная нами в последней по времени написания статье и основанная на его значительном культурном своеобразии, а именно: «Несмотря на общее сходство с верхневолжскими могильниками фатьяновского типа, Балановский могильник обладает целым рядом не встречаемых в этих первых особенностей. Учитывая также его территориальную оторванность от основной области распространения фатьяновских могильников, мы можем Балановский и подобные ему, еще не открытые могильники, рассматривать как особый, повидимому, средневожский, вряд ли волго-камский вариант той же стадии истории первобытного общества в нашей лесной зоне»⁸. Итак, не вариант фатьяновской культуры и уже никак не ее позднейшая стадия, а вариант, культурный вариант той же стадии развития общества, к которой относится и фатьяновская культура, т. е. особая культура, по ряду признаков близкая фатьяновской. Эту точку зрения мы развили в рукописи 1943—1944 гг., одну из глав которой использовала с нашего согласия Т. А. Трофимова уже после сдачи ее работы (1949) в печать, успев сделать ряд ссылок на нее в примечаниях.

В самом деле: что объединяет Балановский могильник с фатьяновскими? Погребения в ямах без курганных насыпей, скорченное на боку положение скелетов, наличие в могильном инвентаре каменных сверленных боевых топоров, кремневых клиновидных топоров-тесел, ожерелий и амулетов из просверленных зубов животных и глиняной посуды бомбовидной формы. Но ведь эти самые признаки объединяют не только Балановский могильник с фатьяновскими Верхнего Поволжья, но объединяют и тот, и другие с культурой одиночных могил Финляндии, одиночных могил Дании и южной Швеции, среднеднепровской культурой, рядом одновременных культур Южной России и Средней Европы. И тем не менее мы не объединяем в одну культуру ни одиночные

⁴ См. П. Н. Третьяков, Из материалов Средневожской экспедиции ГАИМК, «Сообщения ГАИМК», 3, 1931.

⁵ См. О. Н. Бадер, Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии, «Советская археология», VI, 1940.

⁶ См. О. А. Кривцова-Гракова, Хронология памятников фатьяновской культуры, «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947.

⁷ См. Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 3, 1949.

⁸ О. Н. Бадер, Археологические исследования Центрального Чувашского музея, 1937.

могилы Швеции со среднеднепровской культурой, ни даже последнюю с фатьяновской. Почему? Потому что указанное сходство между ними есть сходство стадияльное, выражение весьма близких вариантов одной и той же стадии исторического процесса, содержанием которой является переход к господствующей роли скотоводства, металлургии и патриархату. И в то же время между перечисленными группами памятников имеются несомненные культурные различия, позволяющие расценивать их как остатки отдельных археологических культур, отражающих крупные племенные общности далекого прошлого.

Теперь посмотрим, чем Балановский могильник отличается от фатьяновских. Прежде всего — огромными размерами и обилием коллективных могил. Балановская керамика в значительной своей части отличается хорошим, частью черным лощением, что не характерно для фатьяновской культуры, наличием огромных сосудов с проухами по бокам и в особенности со своеобразным орнаментом в виде крупного, составного зигзага, треугольников и пр., нередко нарезным, часто многозонным, изображающим при взгляде сверху сложную фигуру вертящегося солнечного диска (рис. 4, 4); особенности орнамента частью сближают балановскую керамику с северокавказской, с андроновской и карасукской, а наличие плоскодонных форм — со срубной. Далее, в Баланове каменные сверленные топоры редки, а имеющиеся часто не совпадают с фатьяновскими формами, например, продолговатый топор с узким лезвием (рис. 5, 1) или короткий лопастной (рис. 5, 2). Маленькие глиняные копии каменных сверленных топоров встречаются в изобилии. В фатьяновских могильниках нет медных кованых копий, в Баланове они есть (рис. 5, 4). Зато в Баланове совершенно отсутствуют столь частые для Фатьянова длинные цилиндрические пронизки из тонких костей. В Баланове близкие по форме пронизки сделаны из медных или бронзовых трубочек и образуют иногда целые ожерелья. Балановский могильник вообще неизмеримо богаче металлом. В фатьяновских могильниках нет многих бронзовых украшений, найденных в Баланове, как-то: массивных спиральных колец — простых и двойных; широких пластинчатых спиралей; узких спиралей и завитков; сложных украшений, состоящих из спиральных колец, нанизанных на длинную трубку — гривну (?), и т. д. (рис. 5, 5—8). Совершенно оригинальными являются балановские костяные орнаментированные таблички (рис. 5, 9), гребни из кости и дерева, глиняные парные колесики от игрушечных повозок (рис. 5, 10), погремушка и пр. К этому можно прибавить отсутствие в фатьяновских могильниках следов массового употребления в пищу моллюсков, столь характерных для Балановского могильника, и многие другие детали.

Перечисленные особенности должны служить достаточным основанием для отнесения Балановского могильника к особой балановской культуре. Антропологические различия между населением фатьяновской и балановской культур еще более подчеркивают их разграничение: широколицый кроманьонидный фатьяновский и узколицый восточно-средиземноморский балановский типы различны по своему происхождению⁹.

Балановский могильник не вполне одинок в Среднем Поволжье. Имеется ряд небольших курганных могильников, выявленных работами средневожской экспедиции ГАИМК пока в северо-западной части Чувашии, в Ядринском и Красночетавском районах, на водоразделе между правым берегом реки Суры и ее притоком рекой Вылой. «Здесь было констатировано большое число курганных насыпей..., расположенных группами по две, по три. Малая величина групп, их расположение исключительно на высотах водоразделов, значительные размеры насы-

⁹ См. Т. А. Трофимова, Указ. раб.

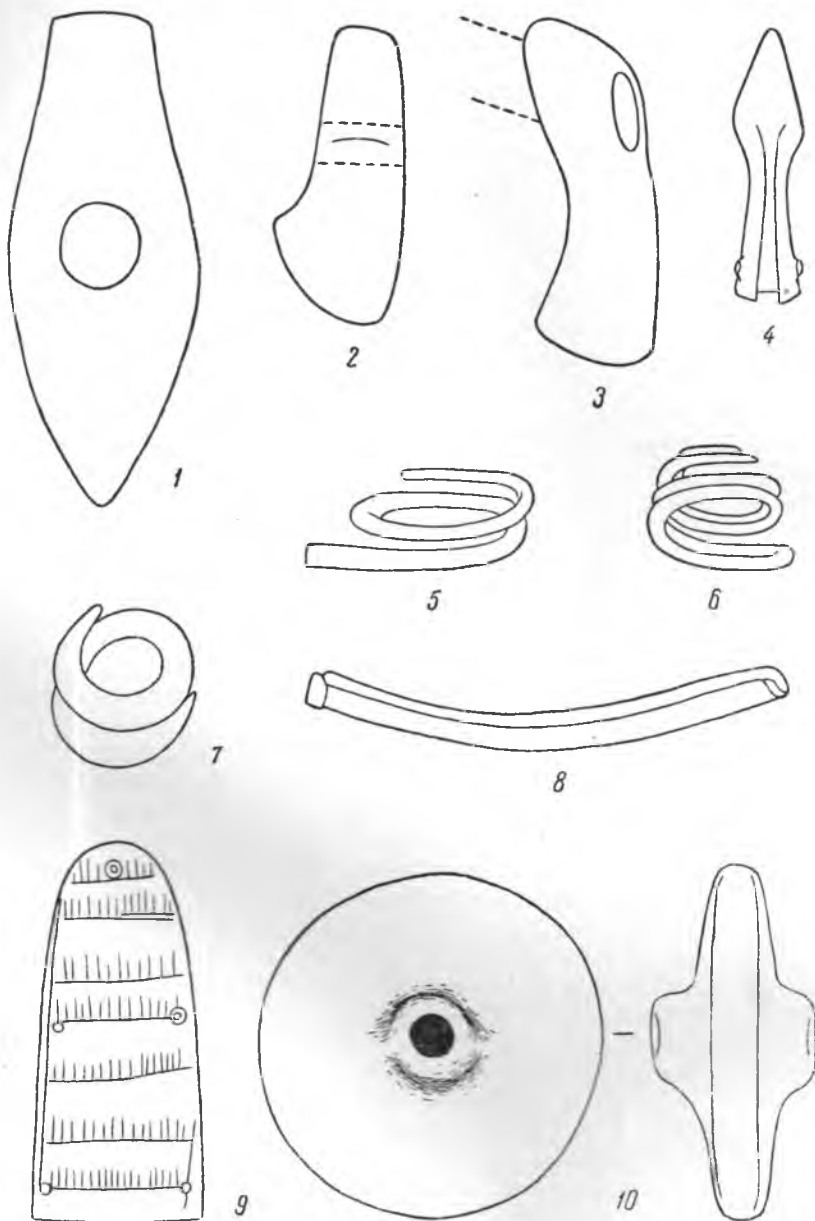

Рис. 5 1,2—каменные полированные сверленные топоры; 3—медный вислообушный топор; 4—медное копье; 5—8—медные украшения; 9—костяная табличка; 10—глиняное колесико. Балановский могильник

пей — все это давало повод встретить здесь нечто отличное от Абашевской культуры с ее численно большими группами, состоящими из небольших высоких курганов, расположенных часто у края речных террас»¹⁰. Некоторые из этих курганов были в 1930 г. подвергнуты рекогносцировочным раскопкам. В кургане, вскрытом у д. Атли-Касы, найдены остатки скелета с подогнутыми ногами, с кремневым клиновидным шлифованным топориком, кремневым наконечником стрелы, продолговатым кремневым отщепом и четырьмя глиняными сосудами с лощенной поверхностью и орнаментом в виде широких зигзагов, совершенно похо-

¹⁰ П. Н. Третьяков, Указ. раб.

жих на орнамент, преобладающий в Баланове¹¹, и в виде тонких свисающих вниз треугольников. Погребение под курганами отличает могильник у д. Атли-Касы от Балановского, но предметы материальной культуры — кремневый топорик, стрела и керамика (по орнаменту, лощению поверхности, а в основном и по форме) настолько близки балановским (рис. 6, 1 и 2), что могильники типа Атли-Касы можно предварительно отнести к балановской культуре, именно к ее заключительной стадии, служащей в Чувашии переходом к памятникам абашевского типа¹².

При распашке курганов «жители Ядринского района делают многочисленные находки. В нескольких пунктах были найдены каменные орудия, в одном случае горшок, далее медный молоток и бедренные кости. Около д. Чемерданы найдены черепки разбитых горшков и часть сверленного каменного молотка»¹³.

Фрагменты двух аналогичных лощеных сосудов с широким зигзаговым орнаментом (рис. 6, 3) найдены в 1939 г. Е. И. Горюновой на Теньгушевском городище Мордовской АССР, в 6 км от правого берега реки Мокши, и происходят, вероятно, из разрушенного кургана¹⁴.

Чрезвычайно интересны дальнейшие возможности изучения балановской культуры интереснее открытия саратовского археолога П. Д. Степанова, недавно исследовавшего два древних поселения балановской культуры в бассейне средней Суры — на городищах Ош-Пандо и Ашна-Пандо. Это крупные поселения со множеством типично балановской керамики и прочих вещей, к сожалению, еще не опубликованных. В них хорошо представлены кости домашних животных. Знаменательно, что, как мы и предвидели¹⁵, поселения на этой стадии имели вид не низко расположенных охотничье-рыболовных стоянок, а высоких «селищ», что служит косвенным доказательством значительной роли земледелия в хозяйстве их населения.

Балановская керамика встречена и в гораздо более северных поселениях. Так, в раскопках автора в 1927 г. стоянки «Малый Бор», относящейся к поздняяковской культуре, найдено до полутора десятков фрагментов керамики балановского типа; среди них — обломки тонких, почти черных, хорошо сглаженных сосудов с орнаментальным узором в виде различного рода зигзагов, в частности и широких, типично балановских, нанесенных тонким зубчатым штампом на высокое цилиндрическое горло (рис. 6, 4); встречается и нарезной орнамент. Залегая в нижних горизонтах культурного слоя, балановская керамика на стоянке «Малый Бор» датируется концом третьей четверти II тысячелетия до нашей эры.

Есть следы балановской культуры и ниже по Оке, даже на ее левом берегу, в пределах Балахнинской низины. Так, на стоянке близ г. Держинска Б. А. Сафоновым в 1948 г. найдены обломки сосудов, относящихся к балановскому типу по форме шеек и характерному резному орнаменту в виде широких зигзагов, заполненных частой вертикальной штриховкой (рис. 6, 10, 11).

К балановскому же типу мы считаем нужным отнести и довольно многочисленные обломки керамики, определявшиеся ранее как фатьянов-

¹¹ См. О. Н. Бадер, Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии.

¹² См. там же. Впрочем, вопрос о возрасте погребений типа Атли-Касы нельзя считать вполне ясным. Не исключено, что они представляют собой, наоборот, древнейшие памятники балановской культуры, погребения первых переселенцев из области Кавказа.

¹³ П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.

¹⁴ См. Е. И. Горюнова, Теньгушевское городище, Записки Мордовского научно-исслед. института, 9, 1947.

¹⁵ См. О. Н. Бадер, Лихачевский могильник (к вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры), «Советская археология», II, 1937.

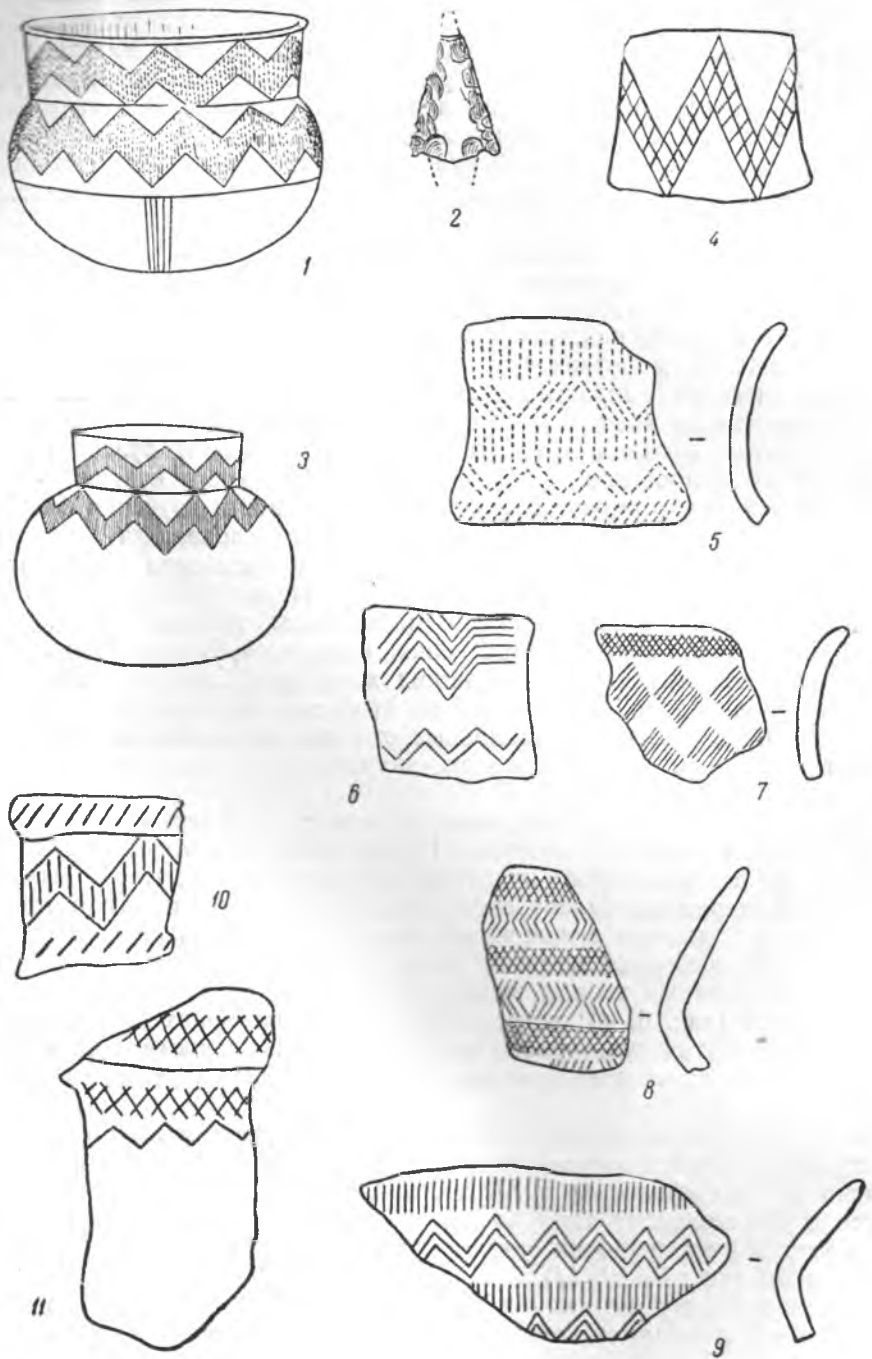

Рис. 6. 1, 2 — сосуд и кремневый наконечник стрелы из кургана Атликасы (по П. Н. Третьякову); 3 — реконструкция сосуда из Теньгушева (по Е. И. Горюновой); 4 — обломок керамики из стоянки Малый Бор; 5—9 — то же из Сейминской стоянки; 10, 11 — то же из стоянки у г. Дзержинска (по фотографии Б. А. Сафонова)

ские, происходящие из Сейминской стоянки. Здесь представлены сосуды балановских и очень близких им форм с резным и мелкозубчатым орнаментом в виде зигзагов, елочек, решеток, ромбов, с типичными «солнцами» вокруг круглых вдавлений на дне (рис. 6, 5—9). Балановская

керамика на Сейминском поселении по ее численности не может рассматриваться как случайно и в небольшом количестве занесенная, но представляет, надо думать, определенный этап в истории этого поселения.

Перечисленные памятники обрисовывают территорию распространения балановской культуры как область, ограниченную с востока Волгой, с запада, видимо, Мокшей и Цной, с севера Окой и Волгой до устья Камы; с юга границы пока не ясны, но, исходя из лесного характера окружавшего «балановцев» ландшафта, можно предполагать, что они проходили недалеко от границ леса и степи того времени, параллельно им (рис. 7). Поэтому следы могильников и местонахождения, причисленные в свое время А. А. Спицыным к фатьяновской культуре и находящиеся на очерченной территории, возможно с наибольшей долей вероятия отнести также к балановской культуре. Это памятники у Сергача, Гремячего, Бок, Чуколы и Васильевки. Ближайшим, крайним фатьяновским памятником является Чуркинский могильник над северной частью Балахнинской низины; к югу от него распространяются памятники балановской культуры.

Общая дата балановской культуры складывается из времени Балановского могильника плюс время заключительной стадии этой культуры, представленной могильниками типа Атли-Касы, и может быть выражена в цифрах примерно от XVII—XVI и до XII в. до нашей эры. Смена балановской культуры абашевской произошла в XI в., что и служит верхним хронологическим пределом балановской культуры. Этот последний определяется самой датой абашевской культуры, более поздней, чем обычно считают, что доказывается последними находками на Урале, определяющими абашевскую культуру как тесно связанную с Уралом и по времени совпадающую с поздней стадией андроновской культуры и с карасукской на востоке.

* * *

Вопроса о происхождении балановской культуры касались до сего времени трое: в 1944 г.— автор¹⁶, в 1947 г.— О. А. Кривцова-Гракова¹⁷, в 1949 г.— Т. А. Трофимова¹⁸. Автор пытался решать вопрос о происхождении «балановцев» в свете их антропологического своеобразия, выявленного уже после раскопок 1933 и 1934 гг., и говорил на этом основании об их южном происхождении, не высказываясь более точно и считая возможным, что этот антропологический тип был занесен сюда в более отдаленные времена. Т. А. Трофимова на антропологическом же и лингвистическом основании показала южные, точнее кавказские, связи средневожского населения времени Балановского могильника и сочла возможным говорить о миграции его из Закавказья; в дальнейшем изложении мы поддерживаем точку зрения о кавказском происхождении «балановцев» и пытаемся ее дополнительно аргументировать. Точка зрения О. А. Кривцовой-Граковой диаметрально противоположна: она выводит культуру Балановского могильника с северо-запада, из Верхнего Поволжья.

Отдавая должное большой работе, проделанной О. А. Кривцовой-Граковой по разработке хронологии памятников фатьяновской культуры, никак нельзя согласиться с ее конечными историческими выводами¹⁹. Последние сводятся к тому, что появилась фатьяновская культура в Московской области и прилегающих к ней районах в конце III тысячелетия до нашей эры. Далее, «в конце первой четверти II тысячелетия

¹⁶ О. Н. Бадер, К истории первобытного общества на Оке и в Верхнем Поволжье. Рукопись, цитированная в последней работе Т. А. Трофимовой.

¹⁷ О. А. Кривцова-Гракова, Указ. раб.

¹⁸ Т. А. Трофимова, Указ. раб.

¹⁹ См. О. А. Кривцова-Гракова, Указ. раб.

могло начаться передвижение населения в Ярославскую область»²⁰, где протекал второй этап развития фатьяновской культуры. «Чувашская группа сменяет ярославскую в половине II тысячелетия»²¹. «Последний этап развития культуры протекал в пределах Чувашии и отчасти в Горьковской области, где он может быть отнесен к третьей четверти II тысячелетия»²². В это время в Верхнем Поволжье «фатьяновская культура... уже прекратила свое существование»²³.

Получается сплошная миграция населения фатьяновской культуры: сперва неизвестно откуда — в Московскую область, из Московской области в Ярославскую, из Ярославской в Среднее Поволжье. При этом за время движения из Верхнего Поволжья в Чувашию успеваает резко измениться антропологический тип населения²⁴, хотя нигде по соседству он воспринят быть не мог.

Нарисованная картина совершенно неправоподобна даже с первого взгляда.

Вопрос о происхождении балановской культуры должен решаться с учетом, во-первых, отсутствия генетических связей ее с фатьяновской культурой и, во-вторых, в свете антропологических связей «балановцев» с Восточным Средиземноморьем. И потому нет прямой необходимости рассматривать его слитно с происхождением фатьяновской культуры, как это сделала Т. А. Трофимова (1949)²⁵; от отдельного рассмотрения эти вопросы приобретают только большую ясность.

Мы видели, что культурные различия между Балановским и верхневолжскими могильниками фатьяновского типа дают основание рассматривать их как особые, различные археологические культуры. В то же время установленное Т. А. Трофимовой еще в 1940 г. своеобразие балановского антропологического типа по материалам наших первых раскопок, подтвержденное в 1947 г. М. С. Акимовой²⁶ по раскопкам 1936, 1937 и 1940 гг., и намеченные резкие антропологические различия между «фатьяновцами» и «балановцами» — в свете последних исследований Т. А. Трофимовой выглядят совсем иначе, чем прежде. М. С. Акимова пришла к выводу, что «балановцы» гораздо ближе западноевропейскому, нежели восточноевропейскому населению своего времени. По ее мнению, «балановский тип обнаруживает сходство с неолитическим населением Прибалтики и средней части Германии во II тысячелетии до нашей эры. Наибольшее сходство наблюдается с носителями культуры ленточной керамики Средней Европы и мегалитической культуры юга Швеции». Это заключение, как оказалось, слишком поспешное, к тому же не подтверждается археологически. В то же время Т. А. Трофимова, пользуясь теми же данными, пришла к существенно

²⁰ О. А. Кривцова-Гракова, Указ. раб., стр. 23.

²¹ Там же, стр. 33.

²² Там же, стр. 23.

²³ Там же.

²⁴ Антропологический облик фатьяновского населения Верхней Волги известен давно; антропологические данные по Балановскому могильнику проникли в печать с 1940 г. по предварительному исследованию черепов Т. А. Трофимовой, включенному в нашу статью. М. С. Акимова работала над теми же краниологическими материалами, пополненными новыми из ее раскопок 1940 г., что послужило материалом для ее диссертации «Антропологический тип фатьяновской культуры», краткое изложение которой под тем же названием она опубликовала в статье в «Трудах Института этнографии», Новая серия, т. I, 1947. В 1946 г. Т. А. Трофимова по материалам Акимовой четко разграничила краниологические материалы, относящиеся к племенам фатьяновской и балановской культуры, отнеся последние к средиземноморской расе (см. ее статью «Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии», «Советская этнография», 1946, I, стр. 126—129). Вторично она пересмотрела этот вопрос в работе 1949 г. «К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры» (цит. выше).

²⁵ Виноваты в этом, впрочем, мы, археологи.

²⁶ См. М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры.

иным выводам. По Трофимовой, тип «балановца» — высокорослый, с высоким и нешироким лицом, с узким носом, имеет гораздо более близкие, притом полные аналогии в Закавказье, в Севанском районе и принадлежит к древнему средиземноморскому типу, типу шумеров и древнего населения Закавказья, распространенному в IV, III, II и начале I тысячелетия до нашей эры во всей Передней Азии, «от Средиземного моря до Индии и от Каспийского моря до Оманского залива Аравийского моря», составляя там основу местного населения²⁷. Подкрепив этот вывод очень солидной антропологической аргументацией, Т. А. Трофимова правильно использовала целый ряд указаний Н. Я. Марра на древние связи современного чувашского языка с шумерским языком и с языками народов Кавказа, в первую очередь с армянским и грузинским. Придавая большое значение в вопросах этногенеза анализу племенных названий, Н. Я. Марр считал, что с о м е х — одно из племенных названий армян — есть разновидность такого же названия с у м е р или с у б а р древней Месопотамии и что это название сохранилось местами вдоль Волги, в частности в названии нескольких чувашских сел — Субар, города Шубашкар, так же как и в имени самих чуваш — сувар²⁸. Далее, сделав попытку наметить также некоторые культурные, археологические параллели, Т. А. Трофимова приходит к заключению, что у населения «современной Чувашской республики существовала во II тысячелетии до н. э. связь с населением Закавказья и, возможно, Месопотамии. Связь эта выражалась не только в культурном обмене, но и в переселении групп людей с юга на территорию Среднего Поволжья. Весьма вероятно, что в определенную эпоху эта связь была постоянной, и переселения в области Среднего Поволжья с юга совершались неоднократно. Ответ на этот вопрос может дать археология»²⁹.

Необходимо отметить, что связь антропологического типа «балановцев» со Средиземноморьем устанавливает и М. М. Герасимов³⁰.

Не имея сейчас возможности привлечь весь необходимый для этого материал, мы все же укажем на некоторые связи балановской культуры с Кавказом.

Еще в первых работах, в которых была показана необходимость рассмотрения памятников фатьяновского типа как особой археологической культуры медно-бронзовой эпохи, А. А. Спицын³¹ и В. А. Городцов³² отмечали сходство фатьяновской керамики, клиновидных топоров, сверленных топоров и некоторых других вещей с раннеметаллическими памятниками Северного Кавказа; заметим, что перечисленные выше вещи впоследствии были найдены и в Баланове. Оба упомянутых археолога считали возможным говорить о северокавказском происхождении этих вещей и всей фатьяновской культуры. В. А. Городцов считал, что раннеметаллические культуры Южной и Средней России — катакомбная, срубная и фатьяновская — развивались под более или менее сильным влиянием северокавказской культуры, которая в свою очередь имела тесную связь с Месопотамией, что подробно и убедительно аргументировано В. А. Городцовым.

Происхождение медных проушных топоров с вислыми обухами В. А. Городцов связывает с древней культурной областью Месопота-

²⁷ Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, стр. 63.

²⁸ См. Н. Я. Марр, К вопросу об историческом процессе в развитии этнологической теории, Избранные работы, т. III, 1934, стр. 169.

²⁹ Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, стр. 70.

³⁰ М. М. Герасимов, Основы восстановления типа по черепу, М., 1949.

³¹ См. А. А. Спицын, Медный век в Верхнем Поволжье, Записки Отдел. русск. и слав. археологии Русск. археол. об-ва т. V, вып. 1, 1903; его же, Новые сведения о медном веке в средней и северной России, Записки Отдел. русск. и слав. археологии Русск. археол. об-ва т. VII, вып. 1, 1905.

³² См. В. А. Городцов, Бытовая археология, М., 1910.

мени и Западного Ирана (в частности, с Эламом). Отсюда они, несколько видоизменяясь, широко распространились, достигнув на Русской равнине Прякамья и Верхнего Поволжья. «Из Ирана в Европу топоры с вислыми обухами могли проникнуть тремя путями: 1. Малой Азией и Балканским полуостровом; 2. Кавказом и 3. Каспийскими воротами»³³. Рассматривая фатьяновскую керамику, В. А. Городцов указывает на сходство шаровидных сосудов с сосудами бронзовой эпохи из раскопок Н. И. Веселовского у станции Царской на Кубани, которые «по своему устройству горлышек, округлым плечам, характеру расположения орнамента схожи с фатьяновскими, отличаясь, однако, плоским дном и крупными размерами. Во всяком случае генетическая связь фатьяновского типа шаровидных сосудов с кавказскими весьма вероятна: в пользу ее говорят, с одной стороны, сходство форм, с другой,—единство, иногда полное тождество орнамента»³⁴. Наиболее близкими фатьяновским по форме оказались два шаровидных сосуда, к сожалению, без орнамента, найденные вместе с медным или бронзовым вислообушным топором у с. Дивачи Кубинского округа Бакинской губ., недалеко от Дербентского прохода³⁵.

Все сказанное об аналогиях верхневолжской фатьяновской культуры с древними культурами Кавказа, с прибавлением сходных медных спирально-завитых колечек и жезловидных булавок, действительно говорит в пользу определенных культурных связей, но не может рассматриваться как доказательство кавказской миграции, которой противоречит прежде всего резкое различие антропологических типов. Однако те же аналогии, действительные прежде всего для балановской культуры, В. А. Городцову тогда не известной, здесь выглядят совершенно иначе, так как идут параллельно с полным тождеством антропологического типа «балановцев» и древнего населения некоторых районов Закавказья.

В Балановском могильнике, помимо перечисленных параллелей, общих с фатьяновской культурой, как медные вислообушные топоры, простые спиральные колечки, форма и орнамент некоторых сосудов, имеются и другие аналогии с Кавказом и Закавказьем, притом более убедительные. Таковы кремневые подтреугольные с черешком стрелы Балановского могильника, известные и в памятниках III тысячелетия в Закавказье³⁶. Небольшой сверленный лопастной топор из хорошего темно-серого диорита³⁷ (рис. 5, 2) очень близок аналогичным диоритовым же топорикам, найденным близ Моздока³⁸. Медно-бронзовое кованое балановское копье с разомкнутой втулкой (рис. 5, 4) также имеет аналогии в Закавказье, а именно во втором слое Эшерских дольменов Абхазии, относящихся ко II тысячелетию; абхазское копье имеет более удлиненные пропорции; вместе с ним найдены также и бронзовые спиральные колечки³⁹. Т. А. Трофимова справедливо указывает на некоторые черты сходства балановской керамики с закавказской керамикой из Триалети и Кармир-Блур.

Особенно интересна аналогия, отмеченная нами в 1940 г.⁴⁰, на которую ссылается и которую внимательно рассматривает и Т. А. Трофимова: это находки глиняных колесиков с длинной втулкой. Сперва, познакомившись с ними по материалам краеведческих раскопок 1933 г., мы

³³ В. А. Городцов, Культуры бронзовой эпохи в Средней России, Отчет Росс. Историч. музея за 1914 г., М., 1915.

³⁴ В. А. Городцов, Указ. раб., стр. 161, 162.

³⁵ См. там же, стр. 160.

³⁶ Например, Б. А. Куфтин, К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии, «Краткие сообщения ИИМК», VIII, 1940, рис. 11.

³⁷ См. О. Н. Бадер, Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. «Советская археология», VI, 1940, рис. 21, ф. 2.

³⁸ См. E. Chantre, Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. 1, 1885.

³⁹ См. Б. А. Куфтин, Указ. раб., рис. 3.

⁴⁰ См. О. Н. Бадер, Балановский могильник (по раскопкам 1936—1937 гг.). Рукопись.

затруднялись в их определении; но, после того как в наших раскопках они были встречены исключительно при детских погребениях, причем лежали всегда попарно на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга, мы сочли возможным определить их как колесики от игрушечных повозок-двуколок, вероятно, копирующих повозки, употреблявшиеся в быту. Действительно, наши колесики поразительно напоминают массивные дубовые колеса погребальной колесницы, обнаруженной Б. А. Куфтиным под одним из курганов на Цалкинском плоскогорье; повозка была четырехколесная⁴¹. Следы аналогичных колесниц наблюдались в нескольких курганах того же района. Б. А. Куфтин указал замечательные аналогии своим находкам в Шумере, в двух раннединастических погребениях в Уре. Б. А. Куфтин приводит и другие аналоги цалкинским колесам: в миниатюрных глиняных изображениях из Киша, в бронзовой модели четырехколесной повозки из Сирии, датируемой временем около 2000 лет до нашей эры (хранящейся в Стокгольмском музее), а также и из памятников бронзовой эпохи на Кавказе в виде глиняных колес от миниатюрных повозочек в Дагестане (раскопки А. П. Круглова) и в энеолитическом холме Шреш Блур в Армении. Подобная цалкинской четырехколесная повозка найдена Лалаяном и в позднебронзовом кургане на Южном Кавказе⁴². Глиняные колеса от моделей повозок найдены также Е. А. Байбургиным в Шенгавитском поселении и С. Сардаряном в холме Кюль-тапа медного века в Армении⁴³. Аналогичные колеса известны и в Анау.

Однако указанные аналогии можно продолжить и к северу от Кавказа, что представляет для нас сейчас особенный интерес. В одном из курганов бронзовой эпохи в урочище «Три брата» близ Элисты саратовскими археологами был найден у погребения отпечаток на глине большого, не сохранившегося деревянного колеса все той же формы. Такие же колеса бытовали позднее у скифов, судя по изображению глиняной модели четырехколесной повозки, изданной в одном из путеводителей по Керченскому музею⁴⁴. Отметим также полную аналогию наших трубочек-пронизок из листовой бронзы с точно такими же пронизками некоторых позднебронзовых могильников северо-восточного Кавказа, например, могильника у с. Хорочой⁴⁵, где они встречены вместе с овальными спиральными колечками, спиральными трубочками и другими вещами в обложенных деревом могилах или в каменных ящиках со скорченными костяками, лежавшими также в зависимости от пола на правом или на левом боку; аналогичные трубочки известны и из памятников поздней бронзы района Кисловодска⁴⁶, в Кобани и из кургана у аула Гунделен (по Замятнину), из курганов в местности Садки у Нальчика и у сел. Светловодское (по А. П. Круглову). Сопровождающие эти пронизки спиральные медно-бронзовые колечки широко распространены в памятниках Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, бытуя до начала железной эпохи. Широкие трубки из спирально свернутых узких пластинок, известные в Баланове, в близких формах бытовали в кобанской культуре. На юг ведет нас и обилие в некоторых из балановских погребений раковин съедобных моллюсков.

Связи с народами Кавказа имеются и в этнографии туземцев и других

⁴¹ См. Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Трелетте, I, 1941.

⁴² См. там же.

⁴³ См. Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, «Советская археология», XI, 1949.

⁴⁴ См. Ю. Ю. Марти, Путеводитель по Керченскому историко-этнографическому музею, 1937, рис. 2.

⁴⁵ См. А. П. Круглов, Предкавказье: памятники северо-восточного Кавказа. Ученые записки Ленинградского гос. университета серии историч. наук, вып. 13, 1949, рис. 3 и 5.

⁴⁶ См. С. Н. Замятнин, Отчет о работе на строительстве санатория КСУ в Кисловодске, «Известия ГАНИМ», вып. 92, 1933, стр. 217, ф. 13.

народов Волгокамья. Так, по преданиям лазов, их священную книгу — закон, написанную на родном языке, съел бык; чеченскую книгу якобы съела коза. Аналогичные легенды о «книге — письменности — законе» сохранились у марийцев, где ее съедает корова, у чуваш, где с ней таким же образом поступают корова и овца, у удмуртов, манси и хантэ⁴⁷, занимавших в свое время в своем расселении более западные районы. Мегрельский вариант предания об одноглазом великане циклопе близок не только гомеровскому сюжету, но и чувашскому варианту.

Мотив грузинской сказки о появлении нечистых духов, когда правитель бесов был закрыт в кувшине и брошен на дно моря, т. е. мотив запертия сверхсуществ, известный в древнем Египте и Греции, нашел свое отражение и у чуваш (дух смерти однажды был заперт в гроб и брошен в озеро), и у удмуртов (один удмурт хитростью запер смерть в гроб (сундук) и держал ее там 40 лет, пока ему самому не надоела жизнь).

Широко распространенные у народов Кавказа героические легенды о богатырях — «нартах» находят поразительные аналогии у чуваш и приволжских финнов; сказки об «олай онарах» почти повсеместно распространены среди чуваш, марийцев, удмуртов и отчасти татар. Так, марийцы рассказывают, что раньше жили люди-великаны, и называют их «нар», «нар-эдям», «онар» или «онар-ген». Эти легендарные «нары» были такого роста, что перешагивали через высокие деревья. Они ходили по земле большими шагами, и там, где они вытряхивали из лаптей землю, появлялись курганы. Чувашаи подобных великанов называют «олап» («улап»), и курганы, получившиеся от вытряхивания лаптей великанов, называют «олап-тапри» — земля олапа. Легенды о великанах распространены у многих народов, но параллели между кавказскими «нарт» и волжскими «нар» и «олап» особенно близки.

Далее, «весьма близкие параллели прослеживаются в астральных мифах, представляющих пережиток первобытной космогонии. На Кавказе и в Волго-Камском крае широко были распространены идентичные легенды о небе, а именно о том, как небо поднялось в высь, как оно открывается по временам»⁴⁸, а также некоторые представления о радуге. Совпадения, иллюстрируемые многими примерами, очень полны. Сюда же относятся сказки о «рогатых змеях», «змеях кладохранителях» и ряд прочих поверий.

Интересны совпадения некоторых обычаев хозяйственной жизни: по скотоводству — приготовление обрядового молозива, по земледелию — обряды, связанные с началом и окончанием полевых работ, так же как и особые действия для сохранения скота, предохранения посевов от засухи и пр. Из прочих культовых действий «аналогичны обряды: 1) изгнания злых духов из селения — аула (мегрельский праздник «чечетобы» и чувашский «сюрем»); 2) обряды, выполняемые при закладке новых строений; 3) некоторые магические способы лечения больных; 4) способ испытания жертвенного животного и 5) способ моления богу.

И здесь, и там бытуют одинаковые обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка: 1) обсыпание новорожденного солью, 2) мнимая продажа ребенка, 3) перемена имени в целях обмануть злых духов, угрожающих ребенку, и 4) «атальчество». Аталычество — обычай, зафиксированный пока только на Кавказе, находит полную аналогию в роли «хайматла́х» у чуваш, мари и татар, но он особенно интересен нам в данном случае как обычай, свойственный стадии перехода от матриархата к патриархату, так как мог бытовать как раз в древнем балановском обществе и, следовательно, и здесь происходить с Кавказа.

Чрезвычайно близки, иногда тождественны некоторые обычаи, свя-

⁴⁷ В этой части мы используем рукопись доклада Н. Р. Романова «Кавказ и Волго-Камский край. Этнографические параллели».

⁴⁸ Там же.

занные с церемониями похорон и поминок. Довольно много совпадений и в свадебных обрядах.

Интересна одна из параллелей в земледельческой культуре, а именно возделывание полбы. В Волго-Камском крае полбу возделывают главным образом чуваш⁴⁹, башкиры, удмурты, на Кавказе — армяне, хевсурь, осетины; в Пиренеях полба разводится их яфетическими аналогами — басками.

Сходные этнографические черты народов Кавказа и Волго-Камья, указанные выше, нуждаются в серьезном сравнительно-этнографическом анализе с целью отделить среди них общие совпадения и параллели стадияльного порядка, а также общие позднейшие заимствования из одного и того же источника от действительно сближающих обе культурные области общих по происхождению этнографических особенностей. Но уже сейчас можно сказать, что такие общие черты в этнографии и фольклоре имеются, сохранились до современной эпохи, говоря об имевших место древних культурных, исторических связях между населением рассматриваемых территорий.

* * *

Итак, поразительное антропологическое сходство древнего населения Среднего Поволжья с населением Закавказья, ряд весьма существенных общих черт в языке (в том числе общность племенных названий), довольно многочисленные археологические аналогии в материальной культуре, наконец, некоторые знаменательные совпадения в этнографии и фольклоре, — все говорит в пользу вывода, сделанного Т. А. Трофимовой, об имевших место древних переселениях с юга на север, из области Кавказа в область Среднего Поволжья. Частично эти переселения могли иметь место и в относительно поздние исторические эпохи, например в эпоху «великого переселения народов», когда южные племена степняков, в частности из Предкавказья, продвигались вдоль Волги и Урала далеко на север, вплоть до Верхнего Прикамья. Но первое и, видимо, наиболее значительное этническое продвижение из области Кавказа в Среднее Поволжье фиксируется во II тысячелетии до нашей эры, когда средиземноморцы-балановцы в силу каких-то причин принуждены были оторваться от родственного массива на юге и дойти до Чувашии, Мордовии и Оки. Столь далекая миграция не выглядит фактом исключительным; история и этнография дают нам ряд аналогичных фактов для ранних стадий исторического развития; таков далекий и сложный путь, пройденный ирокезскими племенами Северной Америки, распространение карасукской культуры из области Северного Китая вплоть до Прикаспия и т. д. Наличие у «балановцев» быков, лошадей и двухколесных повозок сильно облегчало движение.

История ничего не знает о переселениях средиземноморцев в Среднее Поволжье. Но анализ археологических данных рисует нам широкую картину крупных этнических сдвигов и скрещений в конце III и во II тысячелетии до нашей эры, происходивших в нашей степной полосе и там, где степные племена соприкасались с населением лесной зоны.

В это время всюду в областях Прикаспия и Причерноморья и к северу от них в степях вплоть до южной полосы лесов уже произошло или заканчивалось образование племенных объединений пастухов-скотоводов и древних металлургов, переходивших или уже перешедших от материнской к отцовской форме родового устройства, знавших земледелие, практиковавших не только далекий межплеменной обмен, но занимавшихся и вооруженным грабежом соседей, доставлявшим богатство в виде скота и рабов — военнопленных, продуктов земледелия и запасов металла.

⁴⁹ Н. Р. Романов, О некоторых обрядах и обычаях чуваш (К вопросу об этногенезе чуваш). Рукопись.

Основными поводами для столкновений между племенами были скот и пастбища; так было, по Б. Б. Пиотровскому, и в Закавказье, на Армянском нагорье, как только там получило господство разведение стад.

В то же время, постепенно накапливаясь, в Восточной Европе и, вероятно, в Азии происходили заметные климатические перемены, далеко не безразличные для хозяйства первобытного населения этих территорий, также отражавшиеся на быте последнего, ибо «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой»⁵⁰. Это положение, справедливое по отношению ко всем периодам человеческой истории, имеет особое значение применительно к ранним историческим этапам, когда человеческое общество было еще относительно слабо вооружено для борьбы с природой.

Примерно на середину или на вторую четверть II тысячелетия до нашей эры падает начало максимального развития явлений так называемого ксеротермического периода, климатического оптимума послеледниковья. Ксеротермический период характеризуется явным изменением климата в сторону засушливости, причины чего еще недостаточно выяснены. Однако эти явления не имели всеобщего распространения: они охватывали, во всяком случае, северо-восточную Европу, Зауралье и смежные области Азии, видимо затухая по мере продвижения на восток. В это время в Восточной Европе вследствие сухости климата понижается уровень озер и рек, разливы последних уже не покрывают пойм; на болотах прекращаются торфообразовательные процессы, болота зарастают лесами, следы которых сохранились в торфяниках в виде так называемого пограничного горизонта стволов и пней. В ряде случаев на пространстве от Балтики до Урала включительно установлено совпадение ксеротермического периода с бронзовой эпохой, точнее, с ее второй половиной, т. е. с развитой культурой бронзы⁵¹.

Особенно существенно для нас происходившее в это время смещение ландшафтно-географических зон к северу. Некоторые авторы полагают, что «смещение это на территории Русской равнины достигло 5°. При этом, следовательно, предполагают, что лесостепь доходила почти до Ленинграда и Вологды, юг же Украины, судя по реликтовым полупустынным растениям, представлял собой, по Пачосскому, полупустыню, наподобие современной Калмыцкой степи»⁵². На песках Придонья до наших дней как реликт полупустыни живут особые виды ящериц и даже представлятель пустыни — тушканчик.

Еще в более резкой форме должны были выражаться явления засушливости в огромных степях Поволжья и Приуралья, более континентальных по своему географическому положению. В это время здесь обитали скотоводческие племена, следы которых известны нам для Южного Приуралья и Предуралья и Южной Сибири по остаткам андроновской культуры, а к западу от нее под именем срубной культуры; племена эти были родственны между собой как в культурном, так и в антропологическом отношении, являя яркие черты широколиственного европеоидного пережиточно-кроманьонского типа. Населявшиеся ими степи, превращаясь в полупустыни, не могли удовлетворить требований развивающегося скотоводства и кормить многочисленные стада. Вполне возможно, что и это обстоятельство местами приводило в движение варварские племена, искавшие лучших пастбищ. Следы широких этнических сдвигов во II тысячелетии в зоне степей и вокруг них археология сохранила во множестве.

⁵⁰ К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 7-е, ГИЗ, 1931, стр. 133.

⁵¹ См. О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии северо-восточной Европы и Урала в свете археологических данных (в печати).

⁵² Н. Н. Соколов, О возрасте и эволюции почв в связи с возрастом материнских пород и рельефа, Труды Почвенного института АН СССР, вып. 6, 1932.

Эти переселенческие волны, приуроченные главным образом к середине II тысячелетия до нашей эры и обусловленные, как мы видели, совокупностью различных причин, могут быть объединены под именем первого «великого переселения народов», происходившего в почти забытые современными человечеством времена.

Так, на востоке степные скотоводческие племена, оставившие нам ископаемую андроновскую культуру, достигают в это время пределов Северного Урала, сохранившего нам в известном Горбуновском торфянике близ Тагила и в некоторых других памятниках элементы андроновской керамики, частью уже неразрывно сросшиеся с местными формами. На западе в это время начинается движение племен срубной культуры, видимо, на запад и во всяком случае — на север. На всем огромном протяжении от Приуралья до Днепра скотоводческие племена срубной культуры и родственные им в середине II тысячелетия до нашей эры широким фронтом надвинулись на север, занимая области, постепенно освобождавшиеся от леса. Об этом, подчас далеко отсюда говорят такие памятники, как Ананьинская и Луговская стоянки на Каме, стоянка у Ново-Мордова и ряд близких ей около Казани, Камского устья и южнее, несколько стоянок на реке Зимнице близ Пензы, обширная группа поселений и могильников поздняяковской культуры на Средней и Нижней Оке, вплоть до близких по культуре стоянок типа «Куракин Бор» близ Брянска.

Трудно сказать, откуда исходил основной толчок, приведший к описанным передвижениям; вероятно, он был не один, их было много. Но, надо думать, первые толчки возникали чаще на юге, в области степей, равнин и нагорий, в первую очередь превращавшихся в полупустыни, к тому же частью соседивших с древними рабовладельческими государствами, постоянно стремившимися посредством военных походов черпать из соседних варварских областей необходимых им рабов и скот. Как мы видели, в этнических движениях II тысячелетия на юге СССР приняли участие и восточносредиземноморские племена области Кавказа, но все же основными действующими силами являлись скотоводческие племена основной части степей, носители широколищего антропологического типа, создавшие в ряде черт сходные культуры: андроновскую в степях Западной Азии и срубно-хвалыньскую в степях Восточной Европы.

Об этнических сдвигах, происходивших в это время в степях Зауралья и Сибири, говорить пока трудно. Исходя из более позднего возраста орсских андроновских памятников по сравнению с челябинскими⁵³, можно сделать предположение о происходившем движении андроновских племен на запад, в область южного Приуралья и Предуралья, где они распространяются вплоть до Бузулука, тесно соприкасаясь с племенами срубной культуры. По мнению крупнейшего исследователя последней — В. А. Городцова, именно здесь, на востоке, на берегах Волги, древние племена срубной культуры «вошли в контакт» с «катакомбными» племенами Северного Причерноморья и, «распространяясь из заволжских степей на запад, заняли почти всю область более раннего населения катакомбной культуры»⁵⁴. Оставляя здесь без рассмотрения вопрос о формах смены катакомбной культуры срубной, ограничимся кратчайшей передвижки древне-срубных племен из Заволжья на запад в бассейны Дона и Днепра, установленной В. А. Городцовым и подтвержденной в последнее время О. А. Кривцовой-Граковой⁵⁵.

В Передней Азии и Закавказье II тысячелетие также было эпохой

⁵³ См. К. В. Сальников, К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья, Сборник «Первое Уральское археол. совещание». Доклады Научных конференций Молотовского университета, вып. 1—4, 1947.

⁵⁴ В. А. Городцов, Бронзовая эпоха на территории СССР, Большая советская энциклопедия, т. 7, 1928.

⁵⁵ См. О. А. Кривцова-Гракова, Азербайджанское поселение и могильник, Труды Гос. Историч. музея, вып. XVII, 1948.

крупных социальных сдвигов в связи с развитием классового общества, эпохой войн и военных походов. Это была также эпоха острой борьбы между скотоводческими племенами за пастбища, что должно было вызывать поиски новых областей для освоения»⁵⁶. Ко второй половине II тысячелетия относятся засвидетельствованные походы ассирийцев на север, в район озера Ван и другие, и походы урартов в Ассирию. Переселение этнической группы, представленной в Баланове, из области Кавказа на Среднюю Волгу следует относить к первой половине II тысячелетия до нашей эры; мы полагаем, что последующие открытия в Поволжье позволят углубить дату балановской культуры, установленную в своих нижних пределах на основании пока единственного Балановского могильника.

Дело в том, что, двигаясь из Закавказья через «Каспийские ворота» или уже из Предкавказья, — будущее уточнит эту исходную область, — балановцы скорее всего успели пройти вдоль Волги еще до того, как произошло становление срубной культуры; двигаясь вдоль восточного края территории катакомбной культуры, балановцы вошли в соприкосновение с племенами полтавкинской культуры и отчасти потеснили их; на балановской территории имеются остатки более ранних полтавкинских поселений (например, у Криушей на Волге). Войдя на Оке в соприкосновение с фатьяновскими племенами, балановцы вступили с ними в тесные взаимоотношения; основными путями для этого служили Волга и, вероятно, вначале и Клязьма. Именно этими связями могут быть объяснены не только некоторые (но не все) черты сходства между фатьяновской и балановской культурами, но и ряд кавказских элементов у фатьяновцев Верхнего Поволжья, общих с балановскими.

Впоследствии, в середине II тысячелетия, племена широколицых европеоидов срубной культуры, распространившись из области Поволжья далеко на запад, отделили своим сплошным массивом территорию балановской культуры от Прикаспия, Кавказа и Причерноморья, а на Нижней Оке, сомкнувшись в лице поздняяковских племен с племенами приуральской лесной сейминской культуры, отделили балановскую территорию от фатьяновской (рис. 7). Поздняковские племена оттеснили «фатьяновцев» с Оки, где фатьяновские памятники, например Борковской могильник у Рязани⁵⁷, являются до-поздняковскими.

Широко совершавшиеся во II тысячелетии, в первую эпоху «великих переселений» этно-культурные скрещения приводили нередко к сложению новых племенных организаций и во всяком случае к отложению элементов одной культуры в составе другой как реальных следов этих скрещений. Такие следы имеются и в Балановском могильнике. Если известные черты сходства с фатьяновской культурой могут найти свое объяснение в непосредственном сближении и столкновении с нею «балановцев» на севере, вдоль Оки, а некоторые черты срубной культуры (редкие находки плоскодонной керамики, глиняные ложки, граненые шилья, проволочные медные колечки) — близким после миграции соседством с ней с юга, то андроновские вещи в Баланове требуют иного объяснения, так как балановская территория от андроновской отстоит далеко. Упомянув о таких чертах сходства, как каменные терки, четырехгранные металлические шилья, форма некоторых кремневых стрел в виде вытянутого треугольника с широким черешком, некоторые элементы орнамента на керамике, следует особо отметить найденные в Баланове в 1937 г. медные украшения в виде трех длинных трубочек, свернутых из тонко прокованных листов металла, с нанизанными на них спиральными кольцами из того же металла; через описанные тру-

⁵⁶ Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры.

⁵⁷ См. А. А. Мансуров. Археологическая карта Рязани и окрестностей. Рукопись.

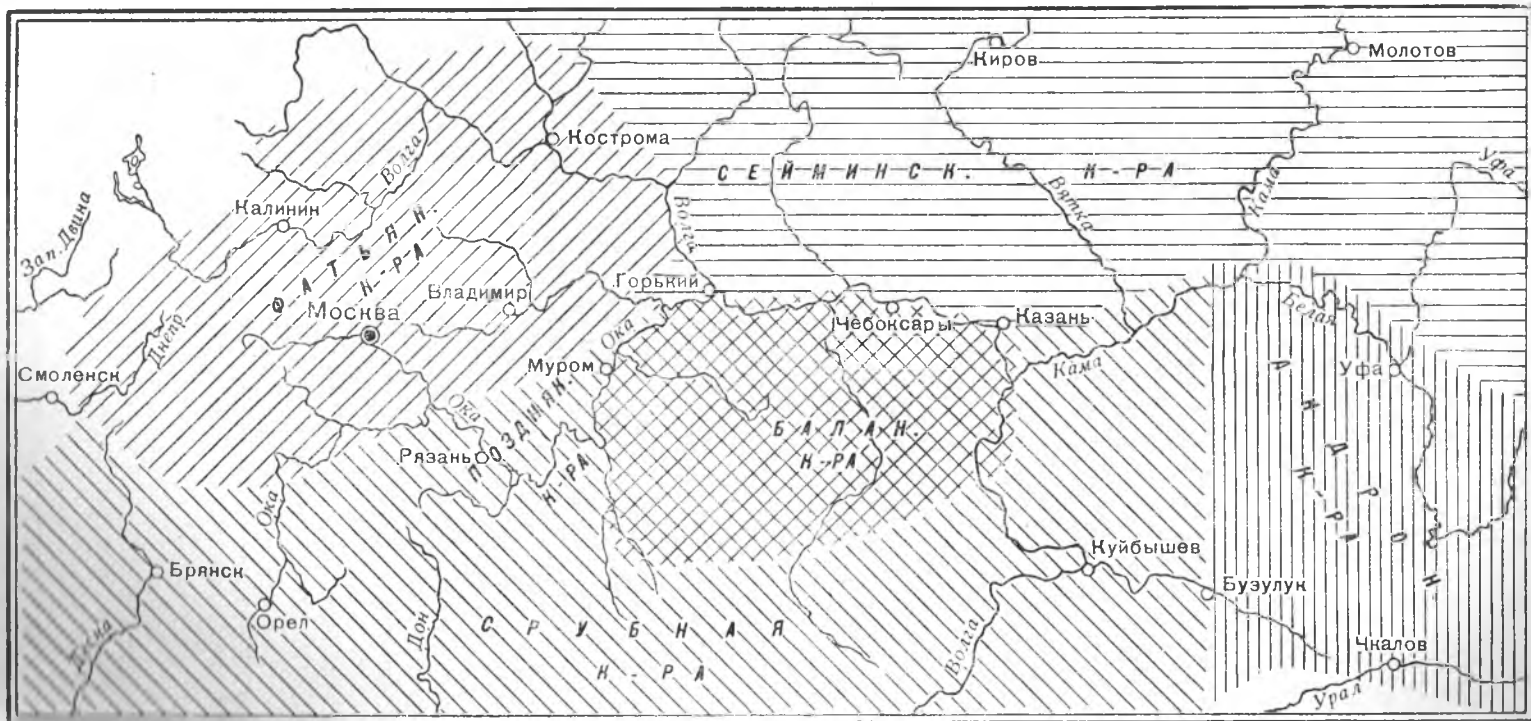

Рис. 7. Схематическая карта распространения древних культур Поволжья третьей четверти 2-го тысячелетия до н. э.

бочки, частью с несомкнутыми краями, видимо, продевался шнур, что позволяло носить их вокруг шеи в виде гривны, на изготовление которой шло сравнительно мало металла (рис. 5). Желобчатые гривны, очень близкие балановским, нередко встречаются в погребениях андроновской культуры⁵⁸, но известны и западнее, на территории срубной культуры. Тем не менее, эти андроновские формы проникли в балановскую культуру не через срубную, а, надо думать, непосредственно, так как черты сходства в балановской культуре со срубной ничтожны, а с андроновской и карасукской — гораздо более заметны. Кроме описанных желобчатых шейных гривен, в Баланове найдены тонкие медные же спиральные пронизки, известные в андроновской культуре⁵⁹ и в очень близких формах встречающиеся в карасукской⁶⁰. В карасукской же культуре имеются также очень близкие балановским колечки, впрочем, встречающиеся и в других культурах. Особенно интересен в этом отношении один найденный в Баланове (в 1936 г.) сосуд⁶¹ реповидной формы (без шейки), черного лощения, с очень узким горлом и глубоко вдавленным орнаментом в виде многочисленных, частых кругов вокруг отверстия и на плечах, что придавало поверхности сосуда характер гофрированной; в Карасуке имеются очень близкие сосуды⁶². Указанные аналогии не следует переоценивать, так как непосредственное соприкосновение балановской и карасукской культур невероятно; связи эти, порядка обменных, могли осуществляться около XII в. до нашей эры через посредство промежуточных племен позднеандоновской культуры. Именно на хорошо налаженную связь с андроновской культурой и указывают все перечисленные выше аналогии; интересно, что при этом восточные связи количественно преобладают над западными. При отсутствии непосредственных соприкосновений, связи населения андроновских племен с балановскими следует рассматривать как хорошо организованные связи обмена. Впрочем, судя по хорошо представленной андроновской керамике на Луговской стоянке⁶³, на севере, в Нижнем Прикамье, территории андроновских и балановских племен очень приближались друг к другу.

Для населения Средней Волги одной из главных целей обмена с Приуральем, несомненно, служило получение металла — в виде готовых изделий, а быть может, и слитков. В начале эпохи металла, на стадии полтавкинской культуры, население Нижнего и даже Среднего Поволжья, судя по медно-бронзовым украшениям, было связано с северокавказским очагом древней металлургии. Однако после распространения с востока далеко на запад срубной культуры южные и юго-западные связи уступили место восточным, и основную роль для населения Среднего Поволжья вместо кавказского стал играть уральский очаг металлургии. Об интенсивных связях с востоком, скорее с северо-востоком, а вероятно, и севером (рис. 7), говорит и слабая монголоидная примесь в антропологическом составе населения балановской культуры.

Думается, что элементы восточных связей и влияний нашли наибо-

⁵⁸ См. О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды Гос. Историч. музея, вып. XVII, 1948, рис. 37, ф. 4, рис. 38, ф. 1, рис. 73, ф. 5 и др.

⁵⁹ См. там же, рис. 38, ф. 3.

⁶⁰ См. С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, 1927; его же, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, 1929, табл. I, рис. 41; С. В. Киселев, Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг., «Советская археология», III, 1937, табл. IV, ф. 15, 17.

⁶¹ Этот сосуд пропал при переезде лаборатории Моск. отдел. Института истории материальной культуры в другое помещение.

⁶² См. С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, табл. XIII, ф. 4.

⁶³ См. А. В. Збруева, Камская экспедиция в 1946 г., «Краткие сообщения ИНИМК» XX, 1948.

лее полное выражение в конце существования балановской культуры, в конце II тысячелетия до нашей эры, когда совершался переход к абашевской культуре, сменившей в Среднем Поволжье балановскую. В 1937 г. автором был впервые поставлен вопрос о преемственной связи балановской и абашевской культур на территории Чувашии. «Большое научное значение имеет то обстоятельство, что материальная культура Балановского могильника, главным образом именно те ее элементы, которые отличают ее от ископаемой фатьяновской культуры, сближают ее с несколько более поздней абашевской культурой в Чувашии»⁶⁴. В работе 1940 г. мы подробно аргументировали возможность преемственной связи балановских и абашевских памятников в Среднем Поволжье, указав на найденные и тут и там гладкие, цилиндрические, свернутые из тонких медных листков пронизки, бронзовые остря, шилья, спирально завитые бронзовые височные колечки, спиральные бронзовые колечки с расширенными концами, частичное тождество формы кремневых наконечников стрел, некоторое сходство керамики, сравнительно большой процент коллективных погребений; наконец, на наличие погребений в курганах с балановской керамикой — в памятниках типа Атли-Касы⁶⁵. В последние годы к этому мнению присоединилась также О. А. Кривцова-Гракова, подробнее аргументировав сходство керамики и дополнительно указав на близость в устройстве могильных ям, «не засыпанных, а заложенных сверху настилом»⁶⁶. Можем добавить еще один аргумент: отсутствие в Балановском могильнике черепов у погребения взрослого (№ 54 в 31-й могиле) и у погребения подростка (№ 55, в той же могиле); оба скелета, судя по положению на левом боку, принадлежали женщинам. Как известно, отсутствие черепов является одной из характерных особенностей некоторых абашевских погребений.

Тем не менее, вопрос о генетической связи балановской и абашевской культур следует решать очень осторожно и только с учетом всей суммы признаков. Последние исследования показали тесную связь абашевской культуры с южным Приуральем, где известно уже немало абашевских памятников, в числе которых имеются и отсутствующие на Волге поселения, что особенно важно. О степных связях говорит и способ погребения абашевцев в курганах.

В связи с этим некоторые аналогии в перечне предметов из меди и бронзы могут объясняться одним и тем же или близким источником получения металла и металлических изделий населением как балановской, так и андроновской и абашевской культур; этим источником была область Приуралья. Кроме того, нельзя забывать также и того, что антропологический облик «абашевцев» с территории Чувашии хотя еще и недостаточно изучен и неоднороден по своему составу, но от балановского явно отличается, включая широколицый европеоидный тип, распространенный в области андроновской, срубной и фатьяновской культур, а также тип с негроидными чертами⁶⁷; восточно-средиземноморский же балановский тип в абашевских могильниках пока вообще не встречен. Прежде чем дать окончательный ответ на вопрос о характере связей абашевской культуры с балановской в Среднем Поволжье, нужно ближе исследовать еще плохо выявленную абашевскую культуру в целом и, в частности, изучить соотношение позднеандоновской и абашевской культур в Приуралье; но уже сейчас можно сказать, что генетическая связь между балановской и абашевской культурами мало вероятна. Все эти вопросы имеют прямое отношение к проблеме этногенеза народов Волго-Камья.

⁶⁴ См. О. Н. Бадер, Археологические исследования Центр. Чувашской степи.

⁶⁵ См. О. Н. Бадер, Могильник в урочище Карейей баты д. Баланово в Чувашии, стр. 86, 87.

⁶⁶ О. А. Кривцова-Гракова, Абашевский могильник, «Краткие сообщения ИИМК», XVII, 1947.

⁶⁷ См. Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, 1948.